

Дмитрий ГЕРАСИМОВ

ПОСЛЕДНЯЯ РЕПРОДУКЦИЯ

Дмитрий Герасимов

Последняя репродукция

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169116
Последняя репродукция: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-046630-6, 978-5-9713-6*

Аннотация

Жизнь провинциального художника Федора Лосева лишена триумфов и падений. Она спокойна и прозаична. Не складывается карьера, гнетут неустроенность и творческие амбиции, но любовь к прекрасной Елене удерживает Федора от отчаяния. Все неожиданно меняется, когда при загадочных обстоятельствах убивают его друга. Федора затягивает в круговорот странных, пугающих событий. Объяснение найти можно, но вот поверить в него человеческий разум отказывается...

По книге снят криминально-мистический сериал, главные роли в котором сыграли Светлана Ходченкова, Кирилл Гребенщиков, Ирина Печерникова, Николай Чиндяйкин и известный рок-музыкант Александр Ф.Скляр.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Герасимов

Последняя репродукция

*Сам себе я пишу эпитафию,
А выходит строка неумелая,
И глядит на меня фотография
Не цветная, а черно-белая.*

*Все тона поменяли обличье,
Место общего заняло частное.
Не найду я на снимке различия
Между счастьем моим и несчастьем.*

*Между трезвостью и безумием,
Между криком моим и молчанием,
Между правильным и придуманным,
Между верою и отчаяньем.*

*Я боюсь откровения вздорного,
Что являюсь лишь частью целого.
Коль на снимке так много черного,
Значит, в жизни немало белого.*

Дмитрий Герасимов

ПРОЛОГ

Обычным московским утром в небольшой галерее изобразительных искусств, приютившейся на бывшей улице Чернышевского, а ныне Покровке, появились ранние посетители. Это была супружеская пара с девочкой лет десяти. Все трое не спеша бродили по павильонам, негромко переговариваясь в гулкой тишине сводчатых комнат. И будний день, и ранний час появления, и несмелая торжественность передвижений по залам, а главное – многочисленные пакеты в руках с лихими лейблами московских торговых центров выдавали в них гостей столицы. Они зашли сюда случайно, коротая время до ближайшего рейсового автобуса или до отправления поезда дальнего следования с Курского вокзала. Но было очевидно, что они интересовались живописью и даже были не прочь что-нибудь прикупить в этой милой галерее. На почтительном расстоянии сопровождала визитеров из зала в зал сотрудница галереи – женщина средних лет с удивленно-сонным выражением на лице. Она не надеялась, что ранние гости совершат покупку, но работа обязывала ее находиться поблизости в стремительной готовности выписать чек.

Наконец семья остановилась возле одной из картин, размещавшихся в самой маленькой комнате.

– Гляди-ка, – сказала женщина, обращаясь к своему спутнику, – какой печальный сюжет. Что-то из мифологии... Это Прометей?

– Это Эстей, – мгновенно подроспела сотрудница, – мифологический герой, обреченный на одиночество.

– На одиночество? – переспросила женщина, вглядываясь в сгорбленную фигурку юноши, стоящего среди камней перед бушующим черным океаном.

– Да. Согласно легенде, его создал по своему образу и подобию маленький бог Тур, племянник Феба, – с удовольствием демонстрировала осведомленность сотрудница галереи.

реи. – Эстей – двойник и образ Тора, его эйдолон.¹ Только плотский, осязаемый. Вот и получилось, что Эстей – это второй Тур. И он оказался лишним в этой жизни. Ведь и у Феба – бога солнца, и у Инора – бога океана уже есть свой Тур – их настоящий родственник. Маленький бог камней и надводных скал. Самому Туру тоже не нужен второй бог камней. Поэтому Эстею нельзя ни к солнцу, ни в морскую пучину, ни на ревущие скалы. Он – один. И так – целую вечность, потому что он, увы, бессмертен.

– Действительно, грустная история, – прошептала девочка и, прижавшись к маминой руке, не сводила глаз с печальной фигурки на берегу.

Эстей стоял на самой кромке каменистого склона, отделяющего его от безумной и свирепой стихии. Пузырящиеся ненавистью волны едва не касались его ног, а соленый ветер хлестал по лицу, толкая на камни. Океан бурлил и грозно сдвигал над юношей пенную стену водяных осколков. Крохотный кусочек равнодушного солнца тонул в ватной патоке темнеющих облаков, не оставляя ни одного луча, ни одной надежды брошенному на скале человеку. Шершавый и холодный склон уползал из-под ног Эстея россыпью мелких камней, пытался сбросить его со своей жилистой шеи в кипящую, рвущуюся на миллионы ледяных лохмотьев стихию.

Семья на какое-то время застыла перед картиной в глубоком молчании. Сотрудница галереи задумчиво и без интереса рассматривала своих утренних гостей. Мужчине было около сорока, и он походил на провинциального бизнесмена или чиновника средней руки какой-нибудь захолустной городской администрации. Женщина выглядела моложе.

Последние несколько лет она была скорее всего милой домохозяйкой. А до этого, вероятно, преподавала музыку в центральной школе малюсенького городка.

Сотрудница галереи зевнула в руку, но вдруг от неожиданности вздрогнула: мужчина резко сделал шаг к картине и произнес громко:

– Странно... Просто невероятно!

¹ Эйдолон (гр.) – То же, что мы называем человеческим призраком (привидением). – Примеч. автора.

ГЛАВА 1

Полгода назад, в самом конце января, местные газеты Лобнинска выстрелили аршинными заголовками: «УБИЙСТВО В ФОТОСТУДИИ», «ФОТОГРАФА ЗАРЕЗАЛИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ», «В ТЕЛЕ ФОТОГРАФА НАСЧИТАЛИ ВОСЕМЬ НОЖЕВЫХ РАН», «КОМУ ПОМЕШАЛ ЛОБНИНСКИЙ ФОТОМАСТЕР? ЕГО ИСКРОМСАЛИ КУХОННЫМ НОЖОМ». Убийцу так и не нашли. Сейчас газеты уже не вспоминают о той кровавой и страшной расправе. А о странных, почти мистических событиях, последовавших за этим преступлением, журналисты не узнают, наверное, никогда.

Виктор Камолов был другом Федора. Ну, если не другом, то по крайней мере хорошим и близким приятелем. Они познакомились пятнадцать лет назад в Москве, в художественном училище, куда поступили одновременно и даже были зачислены в одну и ту же мастерскую. В отличие от своего нового приятеля Федор Лосев не стремился стать выдающимся художником. Ему просто нравилось рисовать, нравилось, как под рукой медленно оживают сцены и события, услышанные, увиденные или прочитанные когда-то, а то и выдуманные вдруг – неспешно и в охотку. Виктор насмешливо упрекал друга в отсутствии честолюбия и даже фантазии.

– Ты не умеешь мечтать по-настоящему, Федя, – говорил он, разглядывая из-за плеча Лосева влажный от краски ватман. – Художник, Федя, – это творец не картинок, а жизни! Надо вершить не людей, а судьбы!

Этот пафос, кажущийся еще более неуместным в устах семнадцатилетнего подростка, был тем не менее главной отличительной особенностью Виктора. Его кожей. Его лицом. И никто никогда не мог с точностью определить, в маске это лицо или оно настоящее. Лосев не обижался на покровительственный тон Виктора и его кажущееся высокомерие. Он был рад обретенному другу, поскольку определенно встретил интересного человека – ровесника, совсем не похожего на себя.

Камолов даже внешне был прямой противоположностью Федору. Высокого роста, сухой и сутулый, он удивлял окружающих проворством и решительностью, никак не вязавшимися с кажущейся угловатостью. У него было невыразительное лицо, но очень живые черные глаза, стреляющие молниеносно оценивающе, и странная привычка чуть прищелкивать губами перед тем, как что-то сказать.

Виктор видел себя выдающимся художником. Он был тщеславен и резок в суждениях. Его остроумные, но злые шутки веселили далеко не всех. Многие однокурсники сторонились высокомерного малого, опасаясь раниться о его жестокость. А некоторые платили той же монетой. За Виктором прочно закрепилась слава склочника и завистника. Говаривали, что он сблизился с Лосевым только потому, что не увидел в нем конкурента своему таланту. Причем слово «талант» произносилось с фырканьем и усмешкой.

Федор многое прощал другу. Он был физически крепче Виктора, но при этом терпимее и добрее. Поэтому он совершенно искренне негодовал, оказываясь свидетелем чьего-нибудь ехидства:

- Слышали, что сегодня Камолов отмочил на спецсеминаре?
- Камолов, как всегда, исходит какашками и желчью!
- Вы бы видели, что сделалось с Камоловым, когда его работы не отобрали на конкурс!
- Ребята, сегодня Камолов будет срывать зло на всех. Запасайтесь бирушами...

Лосев встревал в разговор:

– Витек такой, какой есть. Он ведь и правда талантлив, чертяка... Значит, ему больше прощается.

Вдобавок ко всему Виктору не везло с девушками. Юные прелестницы, коими была полна не только столица, но и само училище, в упор не замечали его таланта, пожимали плечами, слыша его остроумные колкости в адрес однокашников, и заглядывались на ребят постарше и посмелее. В самом деле, Виктор старался открыто задевать только тех, кто не мог ответить на колкость, с прочими он был молчалив и осторожен. После очередных любовных промахов Камолов запирался в комнате общежития и делал вид, что не слышит стука в дверь более удачливых соседей, возвращавшихся далеко за полночь. Федору один раз пришлось ломать дверной замок, за что на следующий день он был оштрафован комендантом общежития.

– Я спал, – оправдывался Камолов. – Я работал допоздна и вырубился как убитый. Ничего не слышал!

В другой раз он делился с Федором своими наблюдениями – как всегда, категоричными и краткими:

– Москва населена проститутками или пустышками. Они не могут разглядеть в человеке ничего, кроме смазливой рожи и большого члена. Здесь нет места любви и творчеству.

* * *

Сам Виктор приехал в Москву из Лобнинска – крупного областного центра с более чем миллионным населением.

– Москва по сравнению с ним – самосвал, – объяснял Камолов. – Художник должен жить и работать в Лобнинске.

Правда, сразу же нехотя признавал, что за деньгами лучше все-таки ездить в столицу.

– У нас там шесть бюджетобразующих предприятий, трубный завод и комбинат оргсинтеза. Все, кто не сумел стать гражданами этих маленьких государств, – нищие. А художник, Федя, может, и должен быть голодным, но только в плане соблюдения оздоровительной диеты. А в остальном он должен быть сытым! А еще – зубастым и злым. – И Виктор хохотал от души над собственными шутками.

Федор тоже улыбался. Ему и в голову не приходило, какой мистический и страшный поворот сделает его собственная жизнь в этом самом Лобнинске. А пока ему просто нравился его необычный друг. Он прекрасно видел слабости и даже склонность, но не мог не замечать, что Виктор умен, находчив и интересен. Федор чувствовал в нем что-то разительно отличающее его от прочих сверстников. Он был трусоват и смел одновременно. Безумство и неадекватность его поступков и слов, их парадоксальность приводили подчас Лосева в изумление. Впрочем, Камолов это знал. Он сам заявлял хвастливо:

– Я хорош тем, что меня невозможно предугадать. Я непредсказуем! А это удел великих людей.

Вместе с тем Виктор обладал прекрасной, почти машинной памятью и математическим складом ума. Он запоминал на спор целые главы из «Илиады» и с удовольствием и артистизмом цитировал их обомлевшим сокурсникам. Его невозможно было обыграть в шахматы, хотя он в Москве впервые уселся за доску. Мог сыграть партию вслепую, не видя фигур, а назавтра перечислить по памяти все ходы – свои и соперника.

Очень скоро, уже к концу второго курса, у Виктора появились деньги. Он стал все чаще пропускать семинары в творческой мастерской, потому что отсыпался в общежитии и вставал только к обеду. Ночи напролет Камолов осваивал покер. Он молниеносно впитал тонкости этой карточной игры и очень скоро стал выигрывать. Его соперники разводили руками: играт, как Лобачевский, а блефует, как Качалов.

Федор с сомнением качал головой:

– Едва ли вам приходилось играть когда-нибудь с тем и другим...

Но в ответ на шутку слышал:

– Нет, серьезно! Он математик и артист. Ему бы продаться шулерам и наперсточникам – оценили бы по достоинству.

Все ухмылялись вокруг, а Виктор не раздумывая так и поступил. Очень скоро он уже был состоятельным студентом. Но в отличие от многих прочих не ударился в ресторанные и клубные загулы, а бережливо откладывал «денюжку», вынашивая в голове соблазнительные и тщеславные планы.

Как-то днем Виктор застал Федора за подготовкой к очередному семинару. Тот обложился тяжелыми и скользкими альбомами в суперобложках и рассеянно просматривал репродукции. Камолов долго молча сопел, упершись руками в стол и исподлобья рассматривая страничку Модильяни, а потом выпалил с сарказмом:

– Лосев, ты знаешь, что такое репродукция? Это не просто копия, а ФОТОКОПИЯ. Она ничтожна и мертва. Она пошла и груба. Она – ТРУД БЕЗ СМЫСЛА, БЕЗ ВДОХНОВЕНИЯ И БЕЗ УСИЛИЙ. Жизнь, Федя, – это только оригинал!

– Не будь снобом, – отмахнулся Лосев. – И помяни мое слово: ты завалишь сессию.

Спустя пару дней Виктор, словно в насмешку над собственными словами, приобрел дорожный фотоаппарат. Он снимал все подряд и превратил половину общей ванной мужского блока в лабораторию. После лекций он спешно собирался и уезжал куда-то, возвращаясь частенько позднее своих любвеобильных соседей. Вскоре недорогие журнальчики, издававшиеся на газетной бумаге немислимыми тиражами и с таким же немислимым количеством полос, стали покупать у Камолова снимки. Охотнее всего у него брали «кадры замочных скважин», как сам Виктор называл свои ночные подглядывания с объективом в окна второго корпуса общежития, находившегося напротив. Камолова так засосало новое увлечение, что он забросил не только грифель и кисти, но и покер. Последнее вызывало открытое недовольство его новых «коллег» по игорному мошенничеству. Сначала Виктору давали понять, что он не прав и обязан образумиться. А вскоре перешли к действиям.

Как-то в комнатку общежития, где, по обыкновению, кроме Камолова, находился еще и Лосев, ввалились трое недвусмысленного вида. Один остался в дверях и, прислонившись спиной к косяку, сложил руки на груди, лениво и сонно оглядывая жилище студентов. А двое присели к Виктору на кровать, поигрывая ключами от дорогих «тачек», припаркованных где-нибудь у самого входа в общежитие.

Этому визиту предшествовало еще одно событие. Однажды вечером Камолов отозвал Федора в коридор и, заманив к торцевому балкону этажа, вынул из сумки аккуратно сложенный в трубочку черный лист бумаги.

– Федя, – заговорщическим шепотом сказал он, тараща глаза и пошлепывая губами. – Я сегодня был у одной тетки. Солидная тетка, хоть и дура набитая... Понимаешь, мне о ней рассказывали мои начальники авторитетные, что, мол, она как по писаному судьбу предсказывает. У нее даже люди Горбача консультировались. Я сегодня к ней пошел. Ну, просто из любопытства. Интересно же, что она там про будущее набрешет. Да и не стоило это мне ни копейки – почему не пойти? Я так решил: если хорошее что-то напроорочит – поверю, а плохое – значит, брехня. Посмотри, что мне тут написали...

Федор с интересом развернул черный, стилизованный под состаренный пергамент лист и принялся читать вслух, делая паузы, чтобы дать возможность Виктору прокомментировать то или иное пророчество:

– «ДЛИННЫЙ И ДОЛГИЙ ПУТЬ. ДОРОГА ИСЧЕЗАЕТ НА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ЛУНЕ. (Это значит, я до семидесяти двух лет доживу. Неплохо!) ДВЕ ЗВЕЗДЫ – ОДНА ЛЮБОВЬ. (Только две женщины будут в моей жизни, но лишь одну из них я полюблю по-настоящему!) ИГРА С НЕБОМ – КТО СИЛЬНЕЕ, ВЕЛИЧИЕ – В КОПИЯХ. (Я спросил у этой дуры: „Я что, великое открытие сделаю? А почему – в копиях? Репродукции, что ли, буду делать?“ А она говорит: „Да“. Я говорю: „Ну, это вряд ли... И в чем величие-то – копии малевать?“ А она: „И величие, и трагедия“. Представляешь?) УТРАЧЕННАЯ ШУЙЦА ЧЕРЕЗ НЕНАВИСТЬ К ТВОРЕНИЮ. (Здесь вообще ни фига не понятно. Шуйца – это левая рука. То есть мне руку отрубят, что ли? Из-за моей ненависти к тому, что я творю? Я, Федя, рисую и творю только правой рукой. Левая-то в чем провинилась?) И ДОЛГАЯ ДОРОГА В НОЧИ ДО СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ЛУНЫ. (Ну, это она уже повторяется. Только я спросил еще: Почему „в ночи“? Мне что, и глаза могут выколоть?) А она: «Ночь – это скорбь». Я ей говорю: «Иди в жопу!» Вот и весь разговор)».

Когда в общежитие к Виктору нагрянула колоритная троица с требованием вернуться к «ремеслу» и отработать уход, зловещий пергамент висел на стене прямо над кроватью. В самый разгар неприятного разговора Камолов вдруг вскочил на кровать и, тыча кулаком в пергамент, заорал:

– Вы это видели? Я спрашиваю: вы ЭТО видели?

Визитеры растерялись от неожиданного фортеля и уставились, моргая, на черную бумажку.

– Тетушка Нелли мне сделала знак! Слышали о такой? Конечно, слышали! Что хвосты поджали?

Сбитые поначалу с толку нелепыми прыжками своего «подопечного», стриженные парни быстро пришли в себя. Один из них живо схватил Камолова за шиворот и стащил с кровати на пол.

– Ну и что же тебе тетя Нелли сказала? – спросил он насмешливо. – Чтобы ты в карты не играл?

– Она предсказала, что я буду жить до глубокой старости!

– Сомневаюсь, – хмыкнул бритоголовый. – Боюсь, не протянешь и до зрелости, если будешь косить под идиота.

– Почитай сам! Там написано – «до семьдесят второй луны»!

В разговор вдруг вклинился стоящий в дверях верзила:

– Да пусть живет хоть до сто первой луны! Мы ему только ручонки шаловливые отчекрыжим! Ага. По самый локоток...

Виктор прикусил язык. На следующий день он убрал фотоаппарат в чемодан, задвинул его глубоко под кровать и поплелся отрабатывать «барщину».

В разгар подготовки к защите диплома с Камоловым случилась еще одна неприятность: он угодил в изолятор временного содержания. Весь курс гудел как улей, обсуждая новость. Недоброжелатели, коих было в избытке, уже рисовали, смакуя, ближайшее тюремное будущее Виктора. Они не жалели ни красок, ни фантазии, и картина получалась яркой, но скорбной. Вскоре им вослед и друзья Камолова – все, кто уважал или жалел его, – стали верить душераздирающим бредням и даже представлять, как пятидесятилетний, хромой и беззубый, бледный и мстительный Виктор покинет наконец неволю, словно узник замка Иф. Все оказалось прозаичнее. Спустя полтора месяца действительно – бледный и злой – Камолов пришел в общагу. Часом раньше он слонялся по училищу, тыкаясь в двери деканата и учебной части. Получив за обеими дверями подтверждение тому, что он отчислен из училища, Виктор плюнул и пошел собирать вещи.

– Все кончено, Федя, – говорил он Лосеву, шмыгая носом и отводя глаза, – меня к тому же обобрали до нитки. Но надо было выбирать – или с голой задницей остаться, или на шконке годы считать.

Лосеву было искренне жаль друга.

– Эк как тебя угораздило, Витек! И под самый занавес учебы! Ты держись, парень.

Федор дал Виктору денег на билет и проводил его до поезда. У вагона они обнялись и, уже не сдерживая слез, кричали друг другу, торопливо перекрывая лязг отправляющегося состава:

– Витька, прошу тебя: не пропадай! Пиши! Звони!

– Федя! Приезжай ко мне в Лобнинск! Обязательно приезжай! Я ведь тебе так и не говорил никогда: ты талантлив, Федя! Ты – художник, Лосев! А я – КОПИИСТ на веки вечные! Но я тебе всегда буду рад! Приезжай!

Камолов уехал в свой родной город и за десять последующих лет ни разу его не покинул. Он женился, но очень быстро развелся и жил у матери в небольшой двухкомнатной квартире в самом центре Лобнинска. Он был последователен в выборе профессий и менял их с таким же постоянством, не задерживаясь нигде больше двух лет.

Поначалу Виктор устроился в редакцию местной газеты фоторепортером. Очень скоро ему наскучило делать зарисовки и подклишевки для колонки «Жизнь города». Тогда, втеревшись в паразитирующую круговерть лобнинских сутенеров, он стал фотографировать проституток для постеров и рекламных модулей, которыми пестрели обложки журналов развлечений. Довольные сутенеры дали Виктору денег на открытие собственного дела. Однако он не спешил. Следующим местом его двухлетнего пребывания стала лаборатория научно-исследовательского института оптической физики. Лаборатории в отличие от всего института удавалось держаться на плаву за счет заказов и контрактов на стороне, и Камолов был среди тех, кому удавалось такие контракты заключать, благодаря связям, наработанным еще репортерством.

А четыре года назад, ясным утром, он вдруг не только не появился, по обыкновению, с сияющим и бодрым видом у руководителя лаборатории, а вообще не вышел на работу. Камолов просто взял и исчез. Коллеги и знакомые пробыли в недоумении неделю. Потом обнаружилось, что Виктор открыл собственную фотостудию на окраине города и затеял в ней капитальный ремонт. Дела у неугомонного фотографа быстро пошли в гору. Он собирал заказы на художественное фото от редакций журналов и бизнесменов, от директоров школ и тех же сутенеров. Говорили, что даже дочка мэра города тайно снималась у Камолова в студии обнаженной, а потом Виктору заплатили приличные деньги – но не за фотографии, а, наоборот, за то, чтобы они никогда не появились на свет. Словом, «копиист», кажется, наконец нашел свое место в профессии, начавшейся, как и положено, с «подсматривания» в окна студенческого общежития.

Между тем профессиональная судьба самого Федора Лосева складывалась еще более несуразно. Может, прав был Виктор и ему не хватало честолубия, а может, просто не везло. На третьем курсе его работы заметил известный художник Вениамин Страхов и пригласил к себе в мастер-класс. Федор с удовольствием посещал семинары и даже числился в любимчиках у именитого мастера. Но спустя полгода Страхов скоропостижно скончался от инсульта, и Федор остался «непристроенным». Всех остальных студентов давно уже «курировали» опытные художники, они неохотно брали «чужаков» с натасканной не ими манерой письма. Поэтому, поменяв руководителя, Лосев так и остался до самого выпуска «чужим». Еще в самом начале их творческого знакомства Страхов подарил Федору свою картину. Это была короткая и грустная история маленького мальчика, потерявшегося в большом, полном

ночных, пугающих огней городе. Польщенный и обрадованный Лосев часами просиживал перед этим маленьким шедевром в простеньком багете, стараясь впитать в себя игру красок и настроения, чувствуя кожей мастерство равновесия, которому ему еще предстояло научиться. Он сам был этим мальчиком, которого проглотил жадный и холодный монстр под названием Чужая Жизнь. Потом, много позже, переезжая с места на место в попытках устроить свою судьбу, Федор неизменно таскал картину с собой. Он не мог бросить этого придуманного мальчика, лишив его шанса быть спасенным, как не мог перестать верить, что и сам обретет когда-нибудь Свою Жизнь.

На последнем курсе у Лосева появился шанс выставить свои работы в студенческой галерее. Ходили слухи, что именно там – в единственной коммерческой экспозиции начинающих авторов – можно найти себе агента и выгодно продать картины. Федор долго готовился к предстоящему показу, волновался и придирчиво отбирал полотна, за которые ему не было бы стыдно. Самой первой он приготовил работу, которая особенно нравилась его бывшему наставнику. Это была сцена из мифологического сюжета, когда-то им услышанного. Юноша по имени Эстей – двойник, эйдолон маленького бога Тура – был обречен на вечное одиночество. Эстей стоял на самой кромке каменистого склона, отделяющего его от безумной и свирепой стихии. Пузырящиеся ненавистью волны почти касались его ног, а соленый ветер хлестал по лицу, толкая на камни. Океан бурлил и грозно сдвигал над юношей пенную стену водяных осколков. Крохотный кусочек равнодушного солнца тонул в ватной патоке темнеющих облаков, не оставляя ни одного луча, ни одной надежды брошенному на скале человеку. Шершавый и холодный склон уползал из-под ног Эстея россыпью мелких камней, пытался сбросить его со своей жилистой шеи в кипящую, рвущуюся на миллионы ледяных лохмотьев стихию.

Две картины Федора ждали своего часа в мастерской училища, чтобы через пару дней перекочевать на серьезные, пахнущие успехом и деньгами стены галереи. За день до экспозиции Лосев пришел в мастерскую, и здесь его ждал страшный сюрприз: накануне обе работы кто-то искромсал перочинным ножом вдоль и поперек. Федор смог узнать их только по рамкам. Бессмертный юноша Эстей не имел уже ни малейшего шанса быть спасенным. Еще более жадный и хладнокровный монстр, чем бурлящий океан, поглотил его... Имя монстру было – Зависть.

Виктор пытался утешить друга. Он подолгу сидел с молчаливо-отчаявшимся Лосевым в комнате общежития, искал его на улице, когда тот пытался улизнуть, чтобы побыть одному, и болтал без умолку всякую всячину.

– Талант все равно пробьет себе дорогу, Федя, – витийствовал он, – Не ПОТОМУ ЧТО, а НЕСМОТРЯ НА.

Еще через пару дней Камолов сообщил Федору торжественно и зло:

– Я вычислил, кто это сделал! Этот сучок! Этот завистливый и бездарный Рома Картыленко!

Лосев удивленно поднял на друга глаза:

– Ромка? Не может быть! С чего ты взял?

Виктор снисходительно усмехнулся:

– Я знаю точно. Этот хмырь всегда тебе завидовал. А в ночь перед тем, как все произошло, он последний уходил из мастерской. Я все выяснил. Это он, Федя...

Рома Картыленко был худеньким пареньком, который смотрелся много моложе своих лет. Длинные, но бесцветные и жидкие волосы его были всегда гладко зачесаны назад и перехвачены простенькой резинкой на затылке. Его щеки не покидал болезненный румянец, похожий на аллергию. Говорил он всегда торопливо и неразборчиво, а потом умолкал

надолго, будто собираясь с силами для следующей тирады. Он не хватал звезд с неба, но был дисциплинирован и усидчив. Ко всему прочему Картыленко был коренным москвичом и папа его держал небольшую лавчонку художественных промыслов на Арбате.

У Федора не укладывалось в голове, что Ромка способен на такую подлость. Единственное, что выглядело правдоподобным в рассказанной Камоловым истории, – это то, что Картыленко и сам готовил к продаже несколько своих работ при активной поддержке папы и, похоже, через ту же галерею. Лосев долго колебался, стоит ли поговорить с Ромкой о погибших картинах, но так и не решился. «Если это не он, то я просто обижу парня», – думал Федор, разглядывая на лекциях белесый хвост Ромкиных волос, его худые плечи и сутулую спину.

Спустя четыре дня после сделанного Виктором «открытия» Ромку Картыленко кто-то подкараулил вечером в скверике возле училища и жестоко избил. Вдобавок ему выбили глаз. Несколько студентов с Федором в том числе той же ночью спешно приехали к товарищу в больницу и беседовали с врачом.

– Увы, друзья мои, – говорил тот на ходу, спеша куда-то по коридору клиники, – мы потеряли хрусталик. Ваш приятель теперь инвалид. Я не знаю, насколько важно для художника видеть обоими глазами, но Роману придется жить только с одним...

Федор спешно разыскал Камолова. Тот раскладывал на столе снимки полуобнаженных красавиц и в задумчивости щелкал языком.

– Витя, ну-ка посмотри на меня, – приказал Лосев.

Тот спокойно и даже фиглярски задрал подбородок и вытаращил глаза.

– Твоих рук дело?

– Ты о чем, Федя?

– Сам знаешь. Я – о Картыленко.

Виктор отложил в сторону фотографии и облокотился на стол, глядя другу в глаза.

– Федор, если Ромка заслуживал наказания – он его понес. А кто вершит правосудие – вопрос сложный. Философский вопрос.

Этот ответ совсем не успокоил Федора. Но он не нашелся что еще сказать, а только покивал чуть заметно и вышел вон.

После окончания училища Федор хотел задержаться в Москве. Он цеплялся за любую возможность, но не было ни одного человека, который смог бы ему дать надлежащие референции. В итоге Лосев не без труда устроился учителем рисования и живописи в один подмосковный лицей. Очень скоро у него вспыхнул роман с директрисой. Женщина была много старше Федора и казалась ему несимпатичной. Ей же, напротив, очень приглянулся молодой педагог, и она утонула в своем страстном увлечении безвозвратно.

Так прошел год. Лосев чувствовал себя неуютно под насмешливыми или осуждающими взглядами коллег, но не мог остановить роман. Зато это оказалось по силам мужу директрисы. Федору порезали бритвой его единственную новую работу, приготовленную для экспозиции, и дали расчет, а женщина оказалась в больнице с многочисленными переломами и ушибами. Лосев был растоптан. Он неделю болтался по пивным и однажды среди бела дня заснул в той самой галерее, где собирался выставлять свои работы.

Чуть позже знакомый лоточник, торгующий возле метро газетами и книгами, помог Лосеву устроиться в редакцию одного умирающего еженедельника. Федор стал делать коллажи для первой полосы этого вялого издания и рисовать карикатуры – для последней. Занятие было прескучное, платили гроши, зато у него была куча свободного времени и свой кабинет-мастерская. Но работать для души уже не хотелось. То ли гибель предыдущих картин так сильно ранила Федора, то ли он просто устал еще на старте своей творческой био-

графии, только все его свободное время пропадало впустую. За три последующих года он не написал ни одного этюда, не сделал ни одного эскиза.

Издание, в котором коротал свою молодость Лосев, упорно не умирало, но становилось все более тусклым и скучным. Иногда Федор листал на столе старые подшивки этого еженедельника, и его собственные коллажи и рисунки с меняющимися датами напоминали ему, как давно он перестал заниматься настоящим делом. В такие минуты Федору по-настоящему было худо. Он глотал теплую водку из стакана, в котором обычно замачивал кисточки и перья, и постанывал от безысходности и тоски.

Неожиданно все изменилось. Жизнь заиграла новыми красками, и даже безликие полосы еженедельника, утыканные лосевскими коллажами, не вызывали острое чувство тоски и жалости к себе. Федор влюбился. Безоглядно и всерьез. Девушку звали Света, и она была частым гостем полубогемных вечеринок, устраиваемых бывшим однокашником Лосева, а ныне востребованным дизайнером по интерьеру Пашкой Кубиком. Лосева приглашали на такие посиделки не часто.

– Пойдем, поиграем в «кубики»!

Он приходил охотно, сидел на диване, потягивая пиво, жмурился, как кот, и даже с азартом принимал участие в обсуждении нового фильма, который еще не видел и название которого ему ничего не говорило. Его забавляла эта игра. Он веселился в душе, наблюдая, как взрослые и солидные люди слушают его реплики и комментарии к фильму, кивают ему, надувая щеки, и вздыхают глубокомысленно:

– Тонко подмечено...

– Верно схвачено...

Света тоже внимательно слушала Лосева, но – как ему показалось – поняла его игру и сидела молча, улыбаясь одними глазами. Федор проводил ее домой, а на следующий день понял, что хочет видеть ее снова и снова.

– Тебе надо бросать эту никудышную работенку, – сказала она как-то утром, спустя месяц после их знакомства, прихорашиваясь перед зеркалом, пока Лосев еще дремал в постели. – Ты должен зарабатывать приличные деньги, а не прозябать в своей задрипанной редакции. Я говорила с одним приятелем Кубика. Он может помочь тебе взять место в парке Горького.

– Что? – переспросил Федор, зевая и блаженно потягиваясь. – Какое еще место?

– Портретисты! Ты что, не знаешь? Это бластная и прибыльная должность. Туда без знакомств и без опекунов даже соваться бессмысленно. Сидят дядечки перед мольбертом и рисуют карандашом отдыхающих. Двадцать минут – и купюра в кармане. В конце дня делишься заработком с опекуном. Остальное – твое. На жизнь хватает.

Она подошла к кровати и наклонилась над улыбающимся Лосевым. Тот притянул ее к себе. Она уклонилась игриво, но тут же вновь коснулась губами его уха:

– Что скажешь, милый?

Федор закрыл глаза и с силой опустил обе руки на кровать вдоль тела.

– На жизнь хватает? Ну, значит, буду портретистом в парке культуры... и отдыха.

Как давно заметил один остряк, там, где начинается отдых, заканчивается всякая культура. Заработки в парке перед мольбертом оказались действительно неплохими, но «рваными», то есть непостоянными. Бывало, Лосев просиживал впустую по пять-шесть дней на своем складном табурете и даже с сожалением вспоминал оставленный в редакции кабинет. Но через какое-то время количество желающих «нарисоваться» увеличивалось, и Федор едва успевал менять листы на мольберте. Денег прибавилось, и Лосев сменил свое убогое жилище в Москве на другое – тоже съемное, но побольше и поближе к центру: дело шло

к свадьбе. Они со Светой подали заявление в ЗАГС, потом долго и тщательно выбирали кольца, и Федор уже собрался везти ее знакомить с отцом – в Николаевск.

Он не видел своего старика почти год – с тех пор, как приезжал в отпуск. Родной город тянул Федора, манил, зазывая ласково и сиротливо. Он снился ему все чаще и чаще. Но какое-то незнакомое щемящее чувство стыда удерживало Лосева от того, чтобы вернуться домой насовсем, оставив огромную и бездушную Москву расцветивать саму себя ужасными огнями витрин и рекламы.

Перед самым отъездом у Светы обнаружились неотложные дела, и она попросила Федора ехать к отцу без нее, а сама обещала быть через пару дней.

В Николаевске все было как много лет назад. Все так же судачили соседки во дворе, где сушилось вперемешку белье, а обнаглевшие воробьи таскали мелкую добычу прямо из-под носа ленивых и сонных котов. Сонным был и весь городок. После столичной суеты здесь все выглядело как на киноплёнке при съемке рапидо.

Отец встретил Федора на вокзале и до самого дома нарочито громко приветствовал всех встречных знакомых, привлекая внимание к сыну, которым гордился необычайно.

– Федя, насовсем к нам или так, на побывку? – весело интересовались соседи, с интересом пялясь на столичный лосевский «прикид».

Федор неопределенно пожимал плечами и улыбался.

Света не объявилась ни через два дня, ни через пять. Лосев разыскивал ее по всем телефонам, которые мог припомнить, но безуспешно. Наконец он набрал номер Кубика.

– Во дела, – стушевался тот. – А она разве не ввела тебя в курс дела?

– Какого еще дела?! – раздраженно спросил Федор.

Выяснилось, что его Света, с которой еще неделю назад он выбирал обручальные кольца, укатила отдыхать куда-то в Турцию с тем самым приятелем Кубика, который «пристроил» Федора работать в ЦПКиО.

Лосев пил несколько дней. А потом, встрепенувшись, протрезвел, взглянув в тревожно-печальные глаза отца. Он положил ослабевшие руки ему на плечи, ткнулся в них головой и сказал тихо:

– Я никуда не поеду, батя. Остаюсь здесь...

Как ни странно, но именно в Николаевске Федор вдруг почувствовал себя в своей тарелке. Не нужно было никуда бежать, изворачиваться и крутиться, не нужно было втираться в доверие к «опекунам». Здесь, на родине, в малюсеньком городишке, все было естественным, простым и настоящим. Даже вновь обрушившееся безденежье не пугало Федора. Он ощущал прилив сил и – главное – давно забытое, пьянящее желание взяться за кисти.

Работу по специальности в городе было найти трудно, но Лосев не унывал. Полгода он увлеченно мастерил лекала для местных обувщиков и портных, потом его подрядили делать эскизы интерьера нового медицинского центра. Наконец, поддавшись уговорам старинного школьного приятеля, открывшего небольшое кафе в центре Николаевска, Лосев переквалифицировался в бармена, кассира и администратора в одном лице. Между тем в его маленькой комнате стали вновь появляться и оживать сюжеты и пейзажи. Сначала робкие, а потом все более уверенные в своей нужности и неповторимости.

Три года назад в квартире у Лосева раздался звонок.

– Здорово, старина! Я уж не чаял тебя разыскать! Как живешь, Федя?

Голос Виктора звенел неподдельной радостью. Обрадованный неожиданно объявившемуся приятелю, Федор торопливо рассказывал о себе.

– Вот, переквалифицировался в управдомы, – шутил он. – Даже не знаю, как сказать... Что-то вроде официанта я теперь. Или метрдотеля. Спаиваю местное население. Нет, рисовать не бросил... Но так... для себя. Так сказать, в стол...

– Федор, а я ведь к тебе с предложением. Давай-ка, дружок, бросай все в сто первый раз и дуй ко мне в Лобнинск. Это, конечно, не Москва, но и с Николаевском твоим не сравнить! Есть у меня для тебя настоящая работа почти по специальности.

– Что значит – почти?

– Фотографом, фотохудожником, Федя. Моей, так сказать, правой рукой. Ну и левой заодно!

–левой – не хочу, – отшучивался Лосев. – Ее, помнится, у тебя должны оттяпать.

– Я серьезно, чудак-человек. Видишь ли, Федя, я наконец открыл свое дело. У меня великолепная студия. Тут тебе и мастерская, и монтажная, и целый творческий цех. Работы – вагон и маленькая тележка. Я один зашиваюсь, уже не справляюсь с заказами. Приезжай, Федор. Тебе я доверю творческий процесс, другим – нет...

– Я польщен, Витя, – вздыхал в нерешительности Лосев. – Но я уже как-то осел в Николаевске, привык. Да и отец при мне.

– С отцом все будет в порядке. Уверен, он только порадуется успехам сына. И вспомни, Федя, мои слова давнишние: художник должен жить и работать в Лобнинске! А ты – художник, Лосев! Настоящий художник.

Несколько дней после этого звонка Федор ходил сам не свой. «А может, и впрямь начать все сызнава? – думал он. – Ну не век же мне бокалы протирать. Может, еще повезет и любимая профессия будет кормить?» Он поймал себя на мысли, что с отвращением разглядывает пестрый ряд бутылок на барной стойке...

И Лосев принял решение, но долго не решался заговорить об этом с отцом. Но тот как будто сам все почувствовал.

– Уезжаешь, Федя?

– Звонил однокашник. Мой старый друг. Батя, может, попробоваться мне еще разик устроить свою судьбу?

– Отчего же не попробовать... Вот если бы было два Федора, и каждый – со своей судьбой, тогда и торопиться некуда. Один – со мной, в маленьком городе, а другой – с профессией – где-нибудь в столице...

Лосев обнял отца.

– В том-то и дело, что я один. И жизнь у меня одна-единственная. А о тебе я позабочусь, обещаю. Спасибо тебе, батя.

Так снова пересеклись пути Федора Лосева и Виктора Камолова.

Первый год в Лобнинске оказался для Федора интересным и действительно удачным. Он трудился в фотостудии Виктора, помогая ему обрабатывать заказы, выставлять свет для художественной съемки, делать фотопортреты и портфолио для особо важных клиентов. Сам Виктор все чаще возился с компьютером, кучей неведомых Лосеву приборов и аппаратов, основную часть творческого процесса, как и обещал, возложив на него. А Федор вошел во вкус, ему нравилась новомодная разновидность его профессии. Он удивлялся, почему так долго не чувствовал интереса к этому виду искусства. «Молодец все-таки Виктор, – думал он. – Я был прав: у меня незаурядный и умный друг».

Но вскоре Лосев стал замечать какую-то перемену в Викторе. Тот стал менее общителен и даже раздражителен. Кроме того, он вдруг принялся давать Федору незапланированные отгулы, мотивируя это необходимостью повозиться с аппаратурой, «кое-что проверить и поменять железяки разные... совсем неинтересные».

– Ты приходи послезавтра, – миролюбиво похлопывал он друга по плечу. – Я все налажу, и будем дальше трудиться.

Эти странности продолжались месяц, пока наконец сконфуженный и раздосадованный Виктор не признался Лосеву, что хочет попросить его найти временно другую работу.

– Ты только не обижайся, старик! Я чувствую себя последней скотиной. Уверю тебя, что это временно! Через полгода мы опять засучим рукава и все пойдет по-прежнему. Понимаешь, Федь, ко мне неожиданно-негаданно нагрянул родственничек. Я должен его пристроить на первых порах, натаскать в профессии. А платить двоим мне не по карману пока. Прошу тебя, не обижайся. Мы ведь друзья...

Но Федор в глубине души все-таки обиделся. Он ничего не мог поделать с собой, с этим сладко-сосущим чувством незаслуженной обиды. Он убеждал себя, что Виктор вправе так поступить с ним, что он даже молодец, что решился на такой непростой разговор с другом, но все равно испытывал досаду. Обида не улеглась даже тогда, когда Камолов помог ему устроиться на «временную» работу в местный драматический театр оформителем. Они почти перестали видаться. Раз в месяц, не чаще. То Виктор зайдет в театр – поболтать, то Федор завернет по дороге в фотостудию – поделиться новостями. Делиться, впрочем, было особо нечем. Для Федора опять настали тяжелые времена: неинтересная, малооплачиваемая работа, тоска, теплая водка в стакане из-под кисточек и – что хуже всего – апатия к живописи.

Так протянулся еще год, и Лосев всерьез подумывал об отъезде обратно в Николаевск.

– И опять – под щитом, – горько усмехался он, представляя свою встречу с отцом.

И в этот самый момент, в этот новый тяжелый период жизнь опять повернула к свету, словно по давно изученной, заданной траектории. Федор вновь влюбился. На этот раз так серьезно и безоглядно, что поразился сам и поразил всех вокруг. Сердце провалилось в сладкую бездну. Новое чувство только теперь казалось настоящим и искренним после стольких промахов и падений. Такой, наверно, когда-то ощущалась жизнь в Николаевске после циничной и фальшивой Москвы.

Ее звали Елена. Лена, Леночка, Еленка... И она в одночасье стала для Федора и другом, и любовницей, и матерью, которой он не помнил с детства, и невестой.

А через полгода, в самом конце января, местные газеты Лобнинска выстрелили аршинными заголовками: «УБИЙСТВО В ФОТОСТУДИИ», «ФОТОГРАФА ЗАРЕЗАЛИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ», «В ТЕЛЕ ФОТОГРАФА НАСЧИТАЛИ ВОСЕМЬ НОЖЕВЫХ РАН», «КОМУ ПОМЕШАЛ ЛОБНИНСКИЙ ФОТОМАСТЕР? ЕГО ИСКРОМСАЛИ КУХОННЫМ НОЖОМ»...

Остывшее и обезображенное тело Виктора обнаружили ранние посетители студии. Федор был потрясен случившимся. На похоронах он словно онемел. Он смотрел на знакомые черты бескровного лица, застывшего в гробу, и силился понять, как такое могло случиться с самым жизнерадостным и жизнелюбивым человеком, которого он когда-либо знал.

– Он собирался прожить до семидесяти двух лет. Эх, тетушка Нелли...

Убийцу так и не нашли, а горожане давно перестали обсуждать и домысливать это страшное происшествие. Федор тоже старался все реже вспоминать про трагедию с другом. У него опять не клеились дела, работа вызывала раздражение и глухую тоску. От очередной депрессии его спасала только Елена. Она все понимала без слов и, как могла, утешала любимого, стараясь при этом не задеть его самолюбия:

– Ты просто устал, милый. На тебя так много свалилось в последние годы.

– Мы уедем, родная, – говорил он ей, убеждая и успокаивая скорее себя самого, – уедем к отцу. Художник, возможно, должен жить в Лобнинске, а бармен-неудачник – в Николаевске.

И он горько усмехался, ловя себя на мысли, что только что перефразировал убитого друга, сдаваясь окончательному диагнозу своей ненужности и бесталанности.

Федор редко цитировал Виктора. Время от времени он вспоминал его уверенность и назидательность, иногда натыкался вдруг на снимки, сделанные с ним вместе для какого-то важного и капризного клиента. Тогда в памяти всплывало на секунду белое лицо в обитом атласом гробу, и Лосев расстроено замолкал, хмурясь и опуская голову.

...Поэтому он удивился и даже вздрогнул, когда как-то вечером услышал в трубке глухой и неторопливый голос матери Камолова – Вассы Федоровны. Она была спокойна, даже приветлива, и очень просила Лосева приехать к ней для важного разговора.

Встревоженный Федор терялся в догадках. Ему было не по себе от мысли, что придется что-то рассказывать или объяснять женщине, потерявшей единственного сына. Неизвестно почему, но Лосеву казалось, что от него ждут каких-то рассказов и объяснений. Он почему-то боялся услышать упрек, что стал отдаляться от друга в последний год его жизни. Эта нелепая робость раздражала Федора. Он злился на самого себя, стыдясь даже краешком выдать свою нерешительность.

– Конечно, Васса Федоровна. Я завтра зайду вечером. В пять часов вам удобно?

Он положил трубку и долго пытался унять проснувшуюся тревогу. Ему почудилось, что сам погибший друг приглашает его на встречу.

ГЛАВА 2

С недавних пор Елена стала замечать странного человека, который будто бы преследует ее. Она уже обращала внимание на этого мерзкого субъекта в очках с продолговатым лицом и узкими бакенбардами – в автобусе, во дворе, возле магазина. Он никогда не заговаривает с ней и даже не приближается, а только наблюдает издалека. Впервые она почувствовала беспокойство, когда столкнулась с ним нос к носу, выходя после работы из офиса. Он ступешался, кашлянул, развернулся и быстро потопал в обратном направлении. Елена смотрела ему вслед, и смутная тревога стала холодком вползать в сердце.

В другой раз она увидела гадкие бакенбарды на рынке, куда заглянула купить овощей. Уже знакомый ей субъект с продолговатым лицом нервно перебирал длинными, искривленными пальцами помидоры, на которые даже не смотрел. Зато из-за толстенных линз на Елену непрестанно тарасились два страшных немигающих глаза. Елена с детства почему-то боялась людей в очках с очень большими плюсовыми диоптриями. Неестественно крупные, гротескно увеличенные стеклами глазищи, какие бывают у героев голливудских «ужастика», страшили ее и приводили в смятение. Елена убеждала себя, что ей все это мерещится, что приехавшей не так давно из маленького провинциального городка женщине может почудиться в большом городе множество похожих, одинаково отвратительных лиц. Но с тех пор она видела этого странного типа еще несколько раз и окончательно поняла, что их мимолетные встречи неслучайны, только когда наткнулась на него в своем собственном дворе. Линзы очков сверкнули лучами заходящего солнца, и Елена, повернув голову, вздрогнула: незнакомец, ссутулившись и опустив руки, стоял возле мусорного контейнера, наблюдая за ней. Она не решилась зайти в подъезд, прибавила шаг, пересекла двор и скрылась за соседней пятиэтажкой. «Какой-то маньяк! – подумала она с отчаянием. – Даже внешность соответствующая».

А сегодня ей приснился кошмар: продолговатое лицо с бакенбардами навязчиво заслоняло луну и, кривясь в слюнявой усмешке, шептало:

– Лена, вы мертвецов боитесь? Не тех, которые в могиле, а тех, которые воскресли и живут совсем рядом, на улице Птушко. Боитесь? Правильно делаете!

И глаза за толстенными линзами слезились от беззвучного смеха...

– Федор! – крикнула Елена, рывком сбрасывая с себя одеяло и садясь в кровати. – Федя!

Она обвела испуганным взглядом комнату и, немного успокоившись, сообразила, что уже позднее утро, Лосев ушел на работу, а за окном надрывно и весело рычит отбойный молоток, крошащий асфальт на детской площадке. «Сегодня же расскажу Федору про этого маньяка!» – решила она и, посмотрев на часы, сунула ноги в тапочки. В агентство, где она работала менеджером по полиграфии, ей нужно было только к двенадцати, а заснуть еще на часок, наверно, уже не удастся.

Лобнинский театр драмы и комедии по сей день оставался местной достопримечательностью. Сюда возили немногочисленных экскурсантов, показывая из окна автобуса серые шершавые колонны. Гиды без выражения читали заученный текст из недавно изданного путеводителя по городу:

«Лобнинскому театру уже девяносто лет. Он был основан князьями Лаховскими как дань уважения бессмертному таланту Зинаиды Башковой – бывшей крепостной актрисы. В летописях города сохранились сведения, что на новой сцене собиралась играть небезызвестная Книппер-Чехова – супруга выдающегося писателя и драматурга. Однако театру не суждено было превратиться в Дом Муз. Грянула революция, и роскошь театрального убранства была разворована „военными коммунистами“. Само здание пощадили, и здесь

сначала расположился Революционный военный совет Лобнинска, а потом – небезызвестное Главное политуправление. В простонародье – ГПУ. Спустя почти десятилетие вспомнили, что театр хоть и был основан князьями, но строился в память о крепостной девке – женщине из простой крестьянской семьи. Поэтому с конца двадцатых годов минувшего столетия здесь стала работать труппа рабоче-крестьянского театра „Красный артист“ ...»

На самом деле все это было вранье от начала и до конца. Никакой революции лобнинская сцена не видела и в глаза. Не было здесь военных коммунистов. Театр не грабили и не жгли.

Он вообще не пережил ни одного катаклизма, не считая драмы последнего десятилетия. Первую колонну здесь возвели перед самой войной – в конце 30-х годов. Здание строили на совесть. Поэтому даже единственный взрыв, прогремевший в стенах театра весной 42-го года, не сильно повредил его. Первый коллектив, набранный в труппу перед самой войной, через какое-то время задорно танцевал канкан на оккупированной немцами территории. Лобнинский театр драмы превратился в варьете. Сюда приходили офицеры и пьяные унтеры, чтобы весело провести время перед переброской в новую часть. В один из таких вечеров молодая актриса бросила гранату в переполненный зал.

Справедливости ради надо сказать, что это чуть ли не единственное событие, которым могли гордиться лобнинские театралы. Других достижений эта сцена не видела последующие полвека. Тем не менее назвать скудным репертуар было нельзя. Здесь ставили Сервантеса и Метерлинка, Островского и Толстого, Горького и Маяковского. В 60-е годы в Лобнинске с аншлагом прошла булгаковская «Зойкина квартира». Окрыленные успехом режиссеры уже взялись за либретто к «Ивану Денисовичу», но не успели. Худруку что-то объяснили в райкоме, и он принялся мастерить злободневные пьесы про урожай и соцсоревнование. Он был дважды премирован за новый репертуар и вернулся из Москвы со званием «Заслуженный деятель искусств», а спустя пару лет взял и эмигрировал в США. Там, по слухам, он очень долго пытался поставить пьесу по ранним произведениям Толстого, но в результате дебютировал с мюзиклом «Иди ко мне, крошка». Спектакль провалился, и худрук ушел работать в такси.

Новый руководитель театра оказался человеком толковым и предприимчивым. Он выпрашивал и вытребовал все новые и новые дополнительные ассигнования на развитие сценического искусства, пока в конце семидесятых не получил десятилетний срок за незначительные разногласия с ОБХСС. Отсидев больше половины, он эмигрировал в США.

Между тем на сцене театра умудрялись ставить Липатова и Арбузова, Рощина и Вампилова.

В конце восьмидесятых театр в Лобнинске стал стремительно умирать. Он уже не собирал даже половины зала, а потом и вовсе перестал бороться за зрителя. Часть коллектива ушла заниматься бизнесом, кое-кто подался в Москву, а оставшаяся труппа гоняла один и тот же спектакль, полюбившийся местной детворе за обилие эротических сцен и ненормативной лексики.

Одна актриса сумела сделать карьеру в столице. Ее заметил спонсор и стал лепить из нее эстрадную диву. Однажды она появилась на экранах телевизора со шлягером «Поцелуй меня, мальчик» и в одночасье стала знаменитой. Лобнинцы по праву гордились своей звездой. Но недолго. Потому что через некоторое время у нее возникли разногласия со спонсором и она была задушена им в собственной квартире. Спонсор не стал дожидаться уголовного преследования и эмигрировал в США.

Уже десять лет, как лобнинский театр перестал быть местом культурного досуга большинства горожан. Половина его площадей сдавалась в аренду под офисы, а другая половина

все еще пыталась бороться за место под театральным солнцем. В этой половине трудился последнее время и Лосев.

В начале пятого Федор скатал остатки драпировки, которой заделывали проемы декораций, и крикнул напарнику:

– Юрик! Я закругляюсь! Я обещал матери Камолова быть у нее в пять!

Юрик, круглолицый, темноглазый парень лет двадцати трех, с блестящими от пота и бриолина волосами, зачесанными вниз на лоб, отвлекся от зеленой волнистой линии, которую выводил уже три четверти часа малярной кистью.

– Валяй! От меня привет передавай! – Потом задумался на секунду и поправился: – Нет, привет не передавай. А просто это... ну скажи, что, мол, помню, скорблю... и все такое.

Лосев кивнул, опустил засученные рукава, спрыгнул со сцены и направился к выходу.

Юрик посмотрел на часы и крикнул насмешливо:

– Мог бы еще поработать! До улицы Птушко десять минут гусиным шагом!

Лосев, не оборачиваясь, только рукой махнул в ответ:

– Пока!

Даже за массивной металлической дверью, обитой вишневым дерматином, было слышно, как тишину небольшой квартиры рвет хриплый и протяжный рев звонка. Федор еще несколько раз надавил кнопку, прислушался и в недоумении посмотрел на часы: «Странно. Я точно сказал, что приду ровно в пять. Однако никого дома нет...» Он еще постоял некоторое время, разглядывая узорчатые разводы на двери, похожие на кровавые подтеки. Потом вздохнул и повернулся, чтобы уйти, но тут едва не вскрикнул от испуга: за спиной стояла мать Камолова и молча смотрела на него.

– Вы... чего? – пробормотал Лосев.

– Здравствуй, Федор, – спокойно сказала женщина. – Извини, что заставила тебя ждать. Я вышла во двор посидеть на солнышке и... задремала.

«Врет, – незамедлительно подумал Лосев и опять вздрогнул, словно произнес это вслух. – Я сам сидел во дворе на солнышке, дожидаясь, пока будет ровно пять часов, и не видел поблизости ни души».

– Я была в соседнем дворе, – как будто отвечая ему, произнесла женщина, – заговорила с товаркой... – Она достала ключи и проворно открыла замок. – Входи, Федор.

Он вежливо отказался от чая и сидел на краешке стула, поигрывая пальцами, рассеянно оглядываясь по сторонам. Здесь мало что изменилось с тех пор, как он навещался сюда последний раз. Незадолго до своей трагической гибели Виктор позвонил Лосеву и попросил его срочно заехать. Но не в студию, а сюда, к нему домой.

Елена как раз собиралась в командировку, и Федору не хотелось оставлять ее ни на час перед первой в их жизни разлукой. Он пробубнил в ответ, что сегодня прийти не сможет, но Камолов настаивал:

– Приезжай, приезжай, Федя. Я тебя долго не задержу...

Вот здесь, за этим столом, Виктор бросил перед ним фотографию:

– Признавайся, твоя работа?

Федор взял в руки снимок и обомлел: это был портрет самого Камолова с двумя равными дырками на месте глаз.

– Ты о чем? – осторожно спросил Федор, чувствуя, что начинает злиться, потому что фото действительно делал он, но Виктор его спрашивал явно не об этом.

– Этот портрет кто-то выкрал из студии, – сказал Виктор, неестественно улыбаясь. – Он висел на стене и вдруг пропал. А сегодня мне его подбросили в почтовый ящик. – Он

опять, словно любуясь, приподнял снимок над столом и, поднеся к лицу, взглянул на Федора сквозь проделанные в фотографии отверстия: – Экие вандалы!

Лосев не выдержал:

– Хватит паясничать! Ты спрашиваешь меня, не я ли выкрал твой портрет, проколол тебе глаза, а потом подбросил в ящик?

Виктор посмотрел на него внимательно и откинулся на спинку стула.

– Конечно, нет, Федя. Извини, если тебе показалось. Я тут вот подумал... Ты правда не обижаешься, что временно не работаешь со мной?

– Во-он что... – протянул Лосев. – Понятно... Отвечаю: мне было очень досадно, что я потерял эту работу, потому что успел полюбить ее. Но я не имею права обижаться на тебя. Напротив – я благодарен тебе за то участие, которое ты принял в моей судьбе, пригласив меня в Лобнинск. Поэтому я не крал твоего портрета и не учинял над ним эту глупую расправу!

Сейчас Лосев с горечью вспомнил этот диалог и вздохнул. Васса Федоровна все-таки принесла из кухни чайник и поставила перед Федором чашку. Тот неохотно подвинулся к столу и... похолодел. Внезапно он вспомнил явственно, слово в слово: «И ДОЛГАЯ ДОРОГА В НОЧИ... (Мне что, и глаза могут выколоть?)».

– Что с тобой, Федор? Ты чем-то расстроен?

– Мне... У меня неприятности на работе. – Лосев и соврал и сказал правду одновременно. – Я, наверное, уеду обратно в Николаевск, Васса Федоровна.

– А я как раз о работе и собиралась с тобой поговорить. Я прошу тебя стать владельцем студии, которая принадлежала Вите, а теперь стоит заброшенная и закрытая. Никто не переступал порога творческой мастерской с тех дней, когда... когда велось следствие, а бездыханное тело Витеньки, которое нашли там же, на полу, увезли в морг.

Женщина отвернулась и замолчала. Ей опять стало тяжело говорить, и Федор чувствовал, что она едва сдерживается, чтобы не расплакаться.

– Васса Федоровна... – только и мог выговорить он.

Словно гора свалилась с его плеч в один миг. Какими ничтожными и позорными теперь казались его недавние страхи и подозрения! Вот оно что! Вот зачем его пригласила к себе эта странная и вместе с тем удивительная женщина! Чтобы сделать подарок, о котором он – Лосев – и мечтать не мог! Особенно сейчас, когда жизнь словно остановилась и замерла в унылой и безнадежной гримасе. На самом деле очередной конец работы и творчества оказался очередным началом и того и другого.

– Я в некотором замешательстве, – продолжил он задушенным от волнения голосом. – По правде сказать, в последнее время мои дела идут из рук вон, но... Но такого щедрого, великодушного и своевременного подарка мне еще никто никогда не делал. Я... я потрясен, Васса Федоровна. Я...

Федор был растроган и, окончательно смутившись, замолчал, не в силах подобрать правильные слова. Он смотрел на женщину, сидящую перед ним, и ему было стыдно за те смешанные и неприятные чувства, что он испытывал по дороге сюда, за раздражение и испуг у закрытой, молчащей двери.

– Спасибо вам... Спасибо...

Она кивнула в ответ и уронила негромко, обращаясь куда-то в яркую зыбь оконного света:

– Я уверена, что сын ОДОБРИЛ БЫ мой поступок. – Васса Федоровна на секунсточку замялась и, понизив голос, закончила громким шепотом более решительно: – Я уверена, что мой сын ОДОБРИТ мой поступок.

Все еще испытывая неловкость, Федор взял ее за руку:

– Вы не пожалеете. Я не подведу вас. Я заставлю по-новому засиять дело, начатое Виктором, – и в память о нем.

Васса Федоровна встала, подошла к серванту и аккуратно достала с полки пухлый конверт.

– Здесь ключи от студии, Федя. – Она протянула руку, чтобы отдать конверт, но на мгновение задержала ее, словно что-то вспомнив. – Да, и вот еще что... Отдай мне на память все фотографии сына, которые могли случайно остаться в студии. Все, которые найдешь там. Я ведь так и не осмелилась ни разу туда войти за полгода.

Лосев ожидал, что Елена захлопает в ладоши от радости, услышав от него эту невероятную новость. Но она, казалось, была в растерянности и даже полунепугана, полурасстроена. Она видела Виктора Камолова лишь однажды год назад, у него в студии, куда Лосев ее затащил, чтобы представить другу. Но она немало слышала от Федора и об их студенческой юности, и о недолгой совместной работе, и о таинственной, страшной смерти Виктора, о которой к тому же так много писали в газетах.

Елена суеверно поежилась:

– Может, не следует браться за то, что когда-то уже кому-то принадлежало и с кем случилась такая трагедия? Жутковато как-то не то что работать, а даже входить в помещение, где пол был залит кровью, а по углам разбросаны ошметки человеческого мяса...

– Какие еще ошметки? – Федор даже поперхнулся. – Ты что, не понимаешь: У НАС ТЕПЕРЬ БУДЕТ СОБСТВЕННОЕ ДЕЛО! А это означает – конец мытарствам!

– Не знаю, Федя, – растерянно твердила она, – как бы чего худого не стряслось...

– Да тьфу ты! Откуда в тебе такой суеверный, мистический страх? У вас в Склянске все такие дремучие?

Он обнял любимую и чмокнул попеременно в оба ее зажмуренных глаза. Она положила голову ему на грудь:

– Мне страшно, Федя, почему-то... Еще и сон дурацкий все из головы у меня не идет. Один маньяк – жуткий тип – меня спросил: «Вы мертвецов боитесь?»

Федор расхохотался:

– Теперь понятно! Тебя, глупышку, просто сон напугал.

– Сон-то он сон, конечно... – задумчиво возразила девушка. – А маньяк-то – реальный. Я его несколько раз в городе видела. На улице, на рынке.

– На рынке? – переспросил Федор и опять засмеялся. – Это там, где сто человек народу с лицами оголодавших маньяков? Послушай меня, девочка: завтра мы поедем в студию, откроем настежь двери, впустим туда дневной свет и свежий воздух, и твои страхи улетучатся, поверь мне.

Она с сомнением посмотрела ему в глаза и, вздохнув, опять прижалась к его груди. И Лосев прошептал ей в самое ухо давно припасенный, решающий, утешительный аргумент:

– Судьба нам делает подарок, родная. К нашей годовщине.

Завтра, 18 июля, – ровно год, как они познакомились и полюбили друг друга, и этот маленький юбилей приходится на субботу. Они будут вдвоем весь день, и всю жизнь, конечно, тоже. А новое, неожиданное обретение внесет в жизнь и новые краски...

Фотостудия Камолова располагалась на другом конце города, в районе, который до сих пор называется Зеленый, в небольшой кирпичной пристройке к жилому зданию. Известно, что дало название району, потому что если оно и делало ему честь, то незаслуженную. Для этой части города даже чахлые деревца – редкость. Кому-то когда-то пришлось в голову расширить областной центр, застроив домами бывшее картофельное поле. Вскоре на карте города появился новый район, прилепленный к основному массиву, как репейник к штанам первоклассника. А новоселы района на вопрос: «Где ты живешь?» – отвечали язвительно: «На картошке!» В разговорах эту часть города по сию пору называют «Картошка».

Даже на выборах в органы местного самоуправления депутатов за глаза именовали «картофельными», а местный совет – «бульбой».

В неказистой пристройке с покатой крышей и полуподвальными окнами когда-то размещался «красный уголок». Пионеры здесь играли в пинг-понг, а пенсионеры слушали лекции и пространные политинформации. Когда отпала надобность в уголке, пинг-понге и пенсионерах, помещение долгое время пустовало. Окна забились досками, а входную дверь сняли с петель и унесли в неизвестном направлении. Оголенный, сиротливый полуподвальчик днем облюбовала местная детвора, по вечерам здесь собиралась шпана постарше – с портвейном и картишками, и в любое время суток сюда заходили торопливые граждане, не успевающие добежать до ближайшей уборной. Потом пристройку повесили на баланс какому-то предприятию, и у пустующего, обгаженного помещения появились наконец хозяйка. Несколько лет полуподвальчик сдавали в аренду коммерсантам. Здесь побывали и торговцы сахарным песком, и юридическая контора, и фирма по ремонту бытовой техники. Арендаторы менялись так часто, что у новых хозяев лопнуло терпение, и они продали помещение некоему предпринимателю с фамилией Хван. У нового владельца дела быстро пошли в гору: он наладил в подвале цех по производству странной субстанции, которую выдавал за армянский коньяк. Перед самым арестом господин Хван спешно избавлялся от нажитого имущества, распродавая свои подвальчики, магазинчики и квартиры немногим желающим.

Одним из таких желающих был Виктор Камолов. Хван согласился на его цену не торгуясь, и спустя две недели в кирпичной пристройке на улице Архитектора Румянцева, в «картофельном» районе Лобнинска, уже трудились маляры и плотники, готовя многострадальное помещение для нового вида деятельности. А на фасаде жилого дома, прямо над крышей пристройки, появилась броская вывеска: «ФОТОУСЛУГИ. ВСЕ ВИДЫ. ДИЗАЙНЕР. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ФОТО».

Елена и Федор подошли к студии, когда музыка, доносившаяся из распахнутых настежь окон, стихла и сменилась радиосигналами «Маяка»: в Москве – полдень. Лосев повозился с ключами, осторожно открыл тяжелую дверь и первым вошел внутрь. Елена постояла в нерешительности, а потом двинулась вслед за Федором, пригнувшись, словно боясь удариться о невидимую притолоку, и зачем-то выставив перед собой сумочку в вытянутой руке, как щит. Лосев долго шарил рукой по стене в поисках выключателя – все полуподвальные окна студии были наглухо задрапированы для удобства фотографа, и дневного света она не видела со времен господина Хвана. Наконец Федор щелкнул выключателем и замер на пороге, оглядывая свое новое рабочее пристанище.

Сюда явно уже давно никто не наведывался. Он скользил взглядом по накренившимся от тяжелой ненужности длиннющим пеналам, сгорбленным осветительным приборам, съёмочным фонам, покосившимся в усталой заброшенности, грудам бумаг, конвертов и прочей канцелярской ерунды, сваленным на столе. Лосев вдруг посмотрел себе под ноги, вспомнив, что может увидеть следы крови на сером и грязном линолеуме. Но пол был выстлан мягким и сырым слоем пыли, в котором местами желтели квадратные пятна оброненных фотографий. Он ничем не выдавал своей страшной тайны. Трудно было представить, что здесь, на этом самом месте, где сейчас топчется Лосев, еще только шесть месяцев назад лежало скрюченное, словно связанное в узел, и остывшее тело его друга. Виктор умер с открытыми глазами, похожими на трещины в асфальте, заполненные черной дождевой водой. Компьютер на дизайнерском столике тоже сейчас похож на мертвеца, а над ним горестно возвышаются неведомые приборы и аппараты, словно скорбящие о невозможной потере.

Елене стало не по себе. Она съежилась, прижав сумочку к груди, и страдальчески посмотрела на Федора. Он подмигнул ей, желая приободрить, и лихо крутанул вокруг своей оси компьютерное кресло.

– Ленка! Это все наше! Чего же ты дрожишь? Мы с тобой два везунчика!

Елена сейчас была мало похожа на везунчика. Она втянула голову в плечи.

– Федя, здесь убирать нужно неделю!

– Да хоть три! Мы же не на дядю теперь будем трудиться.

– Я боюсь, Федор, что начну мыть пол и вдруг найду...

– Что?

– Найду... что-нибудь страшное.

– Глупышка. – Он обнял ее и крепко прижал к себе. – Я ведь с тобой. Навсегда.

– Навсегда... – повторила она и закрыла глаза.

Под потолком заурчала и стала мелко подмигивать лампа дневного света.

– Смотри! – Федор весело отпрыгнул в сторону и стал дурачиться, позируя перед фонами, изображая то культуриста, то заучившегося ботаника, то застенчивую барышню.

Елена невольно прыснула со смеху и даже ухватила за пыльную камеру на высоком штативе, подыгрывая Лосеву и имитируя съемку. Повеселев и немного осмелев, она развернулась на каблуках и прошла по студии, показывая Федору, что в ней тоже проснулся интерес к новому рабочему месту. У стены, увешанной фотографиями в рамках, она остановилась и испуганно притихла.

– Федя... – позвала она негромко, – здесь наша фотография.

Действительно, в самом центре миниатюрного вернисажа расположился снимок, на котором Федор и Елена смущенно улыбались в объектив. Лосев наморщил лоб:

– Откуда она здесь?

Но тут же вспомнил: это было в тот единственный раз, когда он привел Елену в студию к заваленному работой Виктору, чтобы познакомить его со своей будущей невестой. Уже тогда Федор понял, что встретил девушку, с которой готов связать все свои надежды и чаяния, все стремления и желания – всю жизнь. Здесь же, в студии, они и сфотографировались, угловато и стеснительно позируя перед камерой. Сейчас это кажется нелепым и смешным, но тогда Федор вдруг испугался, что Елена не понравится Виктору, а его друг, напротив, приглянется его невесте. И он почти угадал. Виктор прохладно отнесся к выбору Федора и даже потом пытался отговорить друга от поспешной женитьбы, но и Елена осталась совершенно равнодушна к взлохмаченному фотографу. Казалось, она забыла о нем, как только вышла из студии, и не вспоминала до того печального дня, когда лобнинские газеты сообщили о его зверском убийстве.

Сейчас Федор все это вспомнил, взглянув на жизнерадостный снимок годичной давности.

Елена тронула его за руку:

– Пойдем, Федя. На сегодня довольно. Ознакомительную экскурсию мы совершили, теперь придем сюда в понедельник.

– Подожди, Ленка, мы еще не целиком осмотрели помещение. Здесь есть две подсобки... – И Федор потянул ее к двери, спрятавшейся между боковыми пеналами.

– В другой раз, Федя, – робко запротестовала она, но Лосев уже подбирал к дверям ключи из связки, которую получил от матери Камолова.

Внезапно хрупкое колечко брелока щелкнуло, растянувшись, и на пол пролился металлический дождик.

– Ну что же ты... неуклюжий! – Елена присела на корточки рядом с Лосевым, и они принялись шарить руками по полу между пеналами и под ними. Вдруг пальцы ее нащупали необычный предмет. Она выпрямилась и вышла на середину мастерской, чтобы рассмотреть свою находку при свете.

– Что там? Нашла что-то? – спросил Федор, продолжая на корточках собирать рассыпанные ключи. Елена быстро посмотрела на него, словно что-то соображая.

– Нет. Ничего... – Она повернулась к нему спиной, мгновенно достала из сумочки носовой платок, завернула в него свою находку и убрала обратно – поглубже.

Поход в новообетенную студию заставил их обоих поволноваться, порадоваться, погрузиться и задуматься.

– Жизнь так скоротечна и непредсказуема, – произнесла Елена, когда они подъезжали на рейсовом автобусе к остановке «Лобнинский парк». – Никогда не знаешь, чем обернется завтрашний день.

Почти всю дорогу от студии они молчали, каждый погруженный в свои мысли. Федор вздрогнул, будто Елена сказала не сакраментальную фразу, а холодный приговор. Он часто думал о том, почему его собственная жизнь складывается именно так, а не иначе. Лосев не имел обыкновения роптать на судьбу, но иногда вспоминал ироничную фантазию отца: «Вот если бы было два Федора, и каждый – со своей судьбой...» Как бы тогда все сложилось? И кто вообще может это сказать? Существует ли предопределенность? Откуда, из каких глубин прорастает в человеке уверенность в будущем? Вот Виктор... Он же пошел к тетушке... как ее? Нелли. И он поверил ей! Федор почувствовал это, прочитал в его глазах – он поверил в те несколько туманных строк, написанных на черном листке бумаги, стилизованном под пергамент. И что в итоге? Листок и сейчас лежит где-то на письменном столе Камолова, а сам Виктор лег на стол патологоанатома, а потом – в сырую землю. За свои тридцать с небольшим лет Федор так и не научился понимать природу главных открытий и катастроф, пунктиром пересекающих любую судьбу. А Елена? Она столько страдала, столько пережила, потеряла семью – мать и шестилетнюю дочку. Потеряла в итоге все: родной дом, который оставила на растерзание воспоминаниям, работу... Неудивительно, что она такая напуганная, словно все время ожидает какой-то катастрофы, какой-то беды. И к ним, таким разным, таким даже по-разному несчастным, вдруг приходит любовь. Приходит для того, чтобы подсказать: «У ВАС ЕЩЕ ЕСТЬ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ. Вы о ней ничего не знали, не предполагали, что такое вообще возможно, а она – есть. И судьба ваша не делится на плохую и хорошую, на удачную и неудачную – она состоит из того и другого, смешанного в равных пропорциях. Доли равные, как две половинки, нарезанные мелко-мелко. Но, как и в любой каше, от недостаточного помешивания появляются сгустки и комки. Вы их пробуете на вкус, проглатываете, а потом все равно доедаете то, что осталось».

– Остановка «Лобнинский парк», – объявил водитель, возвращая задумчивых пассажиров к действительности.

Елена и Федор как по команде посмотрели друг на друга и, взявшись за руки, сбежали по ступеням автобуса.

Сегодня ровно год, как они познакомились. Вот здесь, на этой скамейке. Так же лениво скользили лодочки в пруду, так же солнце заливало каждый уголок парка, выхватывая разноцветные пары, неторопливо бредущие вдоль огненной кромки воды, так же шумливо-радостно вскрикивали дети, гоняясь за разбегающимися мячами... Федор рисовал дождь. Карандашом в широком блокноте. Она подошла, бросила взгляд на движения грифеля и остановилась в нерешительности. А потом спросила:

– Почему – дождь?

Федор обернулся через плечо и так застыл, не отрывая взгляда от незнакомки. Елена повторила вопрос, еще больше смущаясь.

– Не знаю, – ответил Федор. – Наверно, потому что дождь оставил бы нас здесь одних... Вы бы остались?

И она ответила:

– Осталась.

Потом они долго гуляли по парку, наслаждаясь тем, что им так легко и хорошо вдвоем, испытывая неизъяснимую благодарность и к этим лодкам, и к разбегающимся мячам, и к залитому солнцем воздуху, и к блокноту, в котором ошетинился дождь.

Сейчас Федор и Елена все это вспомнили. Они брели вдоль исколотого лодками берега по рваной, пыльной тропинке и счастливо шурились заходящему солнцу.

Внезапно Елена остановилась и потянула Федора за рукав:

– Гляди – тот же тип! Маньяк, о котором я тебе говорила! Тот же! Что и в автобусе, и на рынке, и у подъезда!

Федор внимательно взгляделся в странного субъекта в очках, с сухим, продолговатым лицом, который сначала замедлил шаг, а потом поспешно скрылся за киоском с мороженым.

– Похоже, он проявляет к нам интерес, – сказал Федор. – Но это мы сейчас выясним...

– Мне жутко, Федя! – крикнула Елена, но Лосев уже перемахнул через невысокий бортик ограды, идущей вдоль газонов, и напрямки бросился к центральному пятачку парка, где веселая детвора шумела вокруг продавцов воздушных шаров. Он в три прыжка очутился возле киоска с мороженым, за которой исчез незнакомец, и, обойдя ее, остановился, всматриваясь в лица гуляющих. В какой-то момент ему почудилась ускользящая спина странного типа на дорожке, ведущей к повороту на аллею парка. Он ринулся вперед, задевая неспешных горожан, бормоча на ходу рассеянное «извините».

Выскочив на аллею и оглядываясь по сторонам, Федор сделал еще несколько быстрых шагов в сторону пруда, как вдруг из сплошного кустарника прямо ему под ноги на четвереньках выскочила женщина. Она вцепилась Лосеву в колено, пытаясь подняться, но ноги ее не слушались, и она только судорожно хватала Федора за одежду, увлекая к земле. Он подхватил ее под руку и, как мог, поставил наконец на ноги перед собой. В глазах женщины плескался ужас, а по лицу пробегали судороги.

– Прошу вас... Там... Прошу вас... – И она замахала руками куда-то в сторону тенистого частогокола деревьев, растущих за густым кустарником. – Там... человек... Прошу вас...

И она уже тащила Федора за собой через завесу грубых веток и листьев в глубину подлеска. Обескураженный Лосев не сопротивлялся, только едва успевал подставлять руку, чтобы не поцарапать лицо о сучья деревьев. Сделав несколько шагов, он остановился как вкопанный, тяжело дыша и даже уже не слушая причитания женщины: в пяти шагах прямо перед ним висел человек. Его шея посинела от тугой петли, а из открытого рта, как тяжелая картонка, вываливался язык. Он еще подергивался в предсмертной судороге, и было слышно, как над ним поскрипывает обмотанная веревкой ветка.

– Снимите его! – заорала женщина в самое ухо Лосеву. – Он еще жив!

Федор растерялся на мгновение, не зная, с чего начать, а потом бросился к повешенному и, обхватив его ноги, приподнял, буквально посадив себе на плечо. Женщина замолчала и, отступив на шаг, наблюдала за происходящим. Судороги самоубийцы неожиданно усилились, и Лосев едва удерживал его на плече, пытаясь сохранить равновесие.

– Ну что он там? – спросил наконец он у женщины, задыхаясь и хрипя, как будто сам только что вылез из петли.

– ОН ТАМ – ХОРОШО! – раздался резкий голос прямо над головой Федора.

Лосев вздрогнул и быстро отпустил повешенного. Тот качался на ветке, сотрясаясь уже не от судорог, а от безудержного смеха.

– СЮР-ПРИЗ!

Неожиданно повеселевшая женщина схватила Федора под руку и развернула лицом к ближайшему густому кустарнику:

– Посмотрите туда и помашите рукой! Вас снимала скрытая камера лобнинского телевидения!

Лосев онемел.

А через секунду произнес громко и отчетливо:

– Вы идиоты! Понимаете? Полные дегенераты!

И под аккомпанемент радостного смеха, вызванного состоявшейся телевизионной шуткой, он пошел через кустарник обратно на аллею, ломая сучья и матерясь...

А таинственный незнакомец с продолговатым лицом бесследно исчез.

Но исчез не только маньяк. Пропала и Елена.

Лосев метался по парку, возвращался на пяточок, бегал к заветной скамейке, дважды обошел пруд и исходил взад-вперед аллею. Все напрасно – его любимой не было нигде.

Она стояла у входа в универмаг в самом людном месте города и судорожно соображала, куда теперь идти. Вернуться в парк она была не в силах, это казалось ей невыносимым. Ехать домой без Федора – тоже. Елена в отчаянии зажмурилась и потрясла головой, чтобы сбросить с себя воспоминания о только что увиденном...

Едва только Федор скрылся за киоском с мороженым в погоне за таинственным незнакомцем, Елену окликнули. Сначала она даже не поняла, что зовут именно ее. Но голос повторил громче:

– Лена!

Она обернулась и увидела в шаге от себя женщину средних лет с букетом цветов.

– Это вам. – Женщина протянула руку, улыбаясь как-то странно, одними губами.

– Мне? – растерялась Елена, с изумлением разглядывая букет. – Вы, наверно, ошиблись...

– Это вам, – твердо повторила женщина. – К восемнадцатому июля.

Все еще ничего не понимая, Елена взяла цветы и повторила машинально:

– К восемнадцатому июля... А... от кого?

– Пойдемте. – Женщина кивнула и решительно направилась к выходу из парка. Елена не тронулась с места, пытаясь придумать, как поступить. Она с мольбой посмотрела в сторону киоска с мороженым, но Федора не было видно ни возле него, ни вообще поблизости. – Пойдемте, – повторила женщина, – это на минутку...

Постоянно оглядываясь, Елена пошла за ней, неся букет обеими руками, как младенца. Они прошли турникет, свернули за дебаркадер уходящего в сторону от шоссе моста, перешли улочку, ведущую в тупик двора, и остановились перед синей машиной с тонированными стеклами, припаркованной у тротуара. Здесь было мало прохожих, потому что поток идущих из парка людей направлялся либо на мост, либо на основную дорогу – к автобусной остановке. Елена остановилась, твердо решив, что в незнакомую машину с затемненными стеклами она не сядет, даже если ей подарят еще один букет. Но в этот момент боковое стекло машины медленно опустилось, и Елене совершенно отчетливо стал виден сидящий за рулем человек. Она вскрикнула, задрожала всем телом и выронила цветы на асфальт.

– ЛЕНА, ВЫ МЕРТВЕЦОВ БОИТЕСЬ?

...Через десять минут она поняла, что бежит, задыхаясь, по мосту, удаляясь не только от страшной машины, но и от Федора, оставшегося в парке.

ГЛАВА 3

Следователь лобнинской прокуратуры Андрей Гаев щелкнул пультом телевизора и откинулся со вздохом на своем рабочем стуле. Экран свернулся в маленькую, сияющую точку и погас, обрывая на полуслове пятьдесят вторую серию очередного мутного сериала, в котором следователь гонялся с пистолетом за преступниками, обезвреживал взрывные устройства в своем авто и заламывал бандитам руки в их собственных квартирах, куда проникал, снося с петель входные двери ударом ноги. Гаев давно уже перестал насмехаться над подобной нелепицей и объяснять, что в жизни ни один следователь не ходит с оружием. Пистолет они видят максимум раз в два года – на стрельбище или в тире, а главное оружие следователя – бумаги, бумаги и бумаги.

Вот и сегодня – суббота, а Гаев торчит на работе с утра, пытаясь привести в порядок документы. В понедельник – планерка, а значит, нужно быстро поднять дела, сроки по которым уже истекают.

В свои неполные тридцать Андрей Гаев повидал всякое, поработав в следственном управлении УВД Лобнинска, и отлично ориентировался в отношениях между следствием и оперативными отделами. Он научился вести дела так, чтобы, с одной стороны, самому не получать по шее от руководства, а с другой – не подставлять под удары коллег. Поэтому он и был переведен в прокуратуру, где тоже числился толковым исполнителем и «хорошим парнем».

Гаев отодвинул пульт в сторону и вернулся к бумагам. Стол был завален увесистыми папками, а сейф открывать было прямо-таки страшновато: второй раз закрыть будет почти невозможно. Это как с чемоданом, в который укладываешь, утрамбовываешь, утаптываешь вещи, чтобы с немислимым усилием его наконец застегнуть и потом уже не открывать без серьезной надобности. Гаев раскладывал бумаги на столе в три стопочки, и сценарий его поведения на планерке уже близился к завершению. Вот по этим делам не хватает трех пустячных объяснений. Что он намерен делать? Он планирует их получить на этой неделе. Вот здесь ему нужно только три дня, и в деле появится «лицо». Да, он уверен. Вот по этому делу срок предварительного заключения подозреваемого истек, а предъявлять обвинение нет ни малейшей возможности. Это дело – в стол, может, о нем и не вспомнят в понедельник. Здесь – нет результата экспертизы. Что значит – почему? Он посылал запрос (когда же это было?) два с половиной месяца назад (годится!). Да, он свяжется с экспертами, но их особо не поторопишь – сами знаете. А вот здесь осталось направить несколько поручений операм. Он сейчас же этим и займется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.